

RU

Прагматический маркер «это самое» в мультимедийном корпусе

Сунь Сяоли

Аннотация. Цель исследования - выявить связи употребления прагматического маркера (ПМ) «это самое» (ЭС) с формой речи и со степенью естественности и спонтанности устного дискурса. В статье рассматриваются количественное соотношение форм, типы и частота использования ПМ ЭС в мультимедийном подкорпусе (МУРКО) Национального корпуса русского языка. Научная новизна исследования заключается в сравнении - на основе статистических данных - результатов анализа функционирования ПМ ЭС в спонтанной и квазиспонтанной речи, в живой устной речи и ее имитациях. В результате доказано, что ПМ ЭС чаще всего выступает в «классической» форме Им.-Вин. пп., ср. р., ед. ч. (это самое), чаще употребляется в устной непубличной речи, и частота употребления ПМ является одним из показателей степени естественности и спонтанности устной речи.

EN

The Pragmatic Marker "Eto Samoe" in the Multimedia Corpus

Sun Xiaoli

Abstract. The aim of the study is to identify the correlation between the use of the pragmatic marker "eto samoe" with the form of speech and with the naturalness and spontaneity degree in oral discourse. The article discusses the quantitative ratio of forms, types and frequency of using the pragmatic marker "eto samoe" in the multimedia subcorpus of the National Corpus of the Russian Language. The scientific novelty of the study lies in the comparison (based on statistical data) of the results of analysing the functioning of the pragmatic marker "eto samoe" in spontaneous and quasi-spontaneous speech, in live oral speech and its imitations. As a result, it was proved that the pragmatic marker "eto samoe" most often appears in the "classical" form of nominative case - accusative case, neuter gender, singular number; it is more often used in oral non-public speech and the frequency of using the pragmatic marker is one of the indicators of the naturalness and spontaneity degree in oral speech.

Введение

Устная речь является первичной формой существования языка, более ранней по времени возникновения, нежели письменная речь, которая выступает «надстройкой» над устной. В отличие от письменной формы, устная речь, понимаемая как форма существования языка, представлена в разных сферах своего функционирования: в разговорно-бытовой сфере – как непринужденная разговорная речь, в публицистической – устная публичная речь, телевизионная и радиоречь, в официально-деловой – устная официальная речь, в художественной сфере – речь кино и театра и т.д. Среди задач изучения языка первоочередной долгое время было исследование литературно-письменного языка. Только со второй половины прошлого века можно отметить попытки систематического описания фактов речи. Согласно мнению Ш. Балли (1955, с. 34), «язык создан прежде всего для устного употребления», поэтому сейчас современная устная речь является одним из объектов пристального внимания лингвистов разных направлений, в чем видится актуальность темы настоящего исследования.

Теоретической базой послужили работы разных исследователей, в которых рассматривается активный процесс *прагматикализации*, протекающий в устной речи (Богданова-Бегларян, 2014; Aijmer, 1997; Günther, Mutz, 2004; Brinton, 2010; Graf, 2011; Diewald, 2011; Degand, Evers-Vermeul, 2015). Прагматикализация – это процесс перехода на коммуникативно-прагматический уровень языка в устной речи определенных лексико-грамматических форм, которые в результате становятся «сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний» (Graf, 2011, S. 296). Именно в этом активном процессе образуется новая функциональная единица, именуемая в настоящем исследовании *прагматическим маркером* (ПМ). Слово *самый* в русском устном дискурсе часто попадает под действие процесса прагматикализации и в результате практически утрачивает

свое словарное значение, «превращаясь» в элемент прагматического маркера *это самое* (ЭС), который функционирует в речи в различных грамматических формах.

Анализ языкового материала в настоящем исследовании проводится с помощью традиционных для лингвистических работ описательного и сопоставительного методов. В связи со спонтанным характером анализируемых текстов использовались методы дискурсивного анализа. При описании материала также применялся квантитативный (простые количественные подсчеты) и статистический методы.

Для достижения указанной цели были решены следующие задачи: во-первых, создан и систематизирован пользовательский подкорпус контекстов с маркером *это самое*; во-вторых, описаны особенности функционирования ПМ ЭС в корпусном материале и получены количественные характеристики материала; в-третьих, выявлены и сопоставлены частоты употребления ПМ ЭС в разных подкорпусах.

Практическая значимость проведенного исследования заключается, в частности, в том, что материал и полученные результаты могут использоваться в практике преподавания русского языка как иностранного, риторике и при проведении лингвистических экспертиз.

Источником материала для исследования послужили 213 контекстов из мультимедийного подкорпуса (МУРКО) Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>), содержащих 225 употреблений ПМ ЭС. МУРКО был открыт для общего доступа в конце декабря 2010 г. Объем МУРКО сейчас превышает 5,4 млн словоупотреблений. Преимуществом данного электронного ресурса является легкий и быстрый поиск видеоматериалов не только по произносимому тексту, но и по жестам (кивание головой, движение пальцев, барабаниющих по чему-л., похлопывание по плечу и т.п.) и тем или иным типам речевых действий (апеллятивы, похвала, согласие и т.п.), что предоставляет уникальную возможность исследовать устную речь с точки зрения фонетики, интонации, синтаксиса, жестикуляции, стилистики, коммуникативных стратегий, структуры и типологии жанров. Соотношение различных типов текста МУРКО показано в Таблице 1.

Таблица 1. Состав подкорпуса МУРКО

Сфера функционирования	Количество словоупотреблений	Соотношение (в %)
Речь кино	3 364 619	61,6
Устная публичная речь	1 819 211	33,3
Художественное чтение	134 563	2,5
Театральная речь	69 568	1,3
Устная непубличная речь	47 927	0,9
Авторское чтение	25 493	0,4

Очевидно, что первые два типа текстов (речь кино и устная публичная речь) составляют ядро мультимедийного подкорпуса. И МУРКО непрерывно пополняется как кинематографическими, так и некинематографическими текстами. Е. А. Гришина (2015, с. 67) отмечает, что устная непубличная речь оказывается наиболее «дефицитной», поскольку связана «с ограничениями экстралингвистического порядка (в частности, нежеланием людей делать свою речь широкодоступной)». Е. А. Гришина (2011, с. 139) также подчеркивает необходимость пополнения МУРКО «естественными» устными текстами (например, материалами из семейных архивов, а также целенаправленным сбором разнообразных видеоматериалов). Большой объем корпуса позволяет с максимальной представительностью дать наиболее характерные примеры использования языка, что имеет большое значение для проведения любого вида лингвистического анализа.

Основная часть

Спонтанность устной речи и типы речи разной степени спонтанности

Спонтанная речь традиционно противопоставляется подготовленной, но существует и иное мнение: «...в какой-то степени спонтанность характеризует любую устную речь, но в полной мере она проявляется лишь в разговорной речи» (Сиротинина, 1974, с. 30). О. А. Лаптева (2003) считает, что всякая устная речь – спонтанна, даже в публичных выступлениях (доклад или лекция), которые, как правило, подготавливаются заранее, присутствует элемент спонтанности.

Категория спонтанности часто смешивается с другой характеристикой устной речи – неподготовленностью, то есть незапланированностью и непродуманностью речи. По мнению ленинградских исследователей, спонтанная речь может «сочетаться с различной степенью подготовленности (обдуманности) ее содержательной стороны и использоваться в различных ситуациях общения (разговорный диалог или полилог, беседа, свободный монолог, доклад или лекция, читаемые без опоры на письменный текст и др.)» (Фонетика спонтанной речи, 1988, с. 5). Спонтанная речь характеризуется наличием незаконченных синтаксических конструкций, самоперебивов, пауз хезитации (заполненных и незаполненных), заминок, обрывов, оговорок, вставных и металингвистических конструкций, а также дискурсивных и прагматических факторов коммуникации (Зайдес, 2020, с. 5). Выделяют несколько видов речи разной степени спонтанности.

Так, *публичная речь*, по определению Т. П. Скориковой (2001, с. 12), – «это устная литературная монологическая речь общественного назначения, обращенная к определенной аудитории». Основными признаками публичной речи являются «ориентация на публичную аудиторию, социально-значимая тематика, относительная подготовленность (неспонтанность), языковая и стилистическая организованность» (Савчук, 2017, с. 2).

Кинодискурс, по мнению А. Н. Зарецкой (2010, с. 7), – это «связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами».

Под термином *кинодиалог* В. Е. Горшкова (2006, с. 13) понимает «вербальный компонент гетерогенной семиотической системы – фильма, смысловая завершенность которого обеспечивается его аудиовизуальным рядом». Можно продолжить, что кинодиалог является вербальным компонентом *кинотекста*, который представляет собой, в числе прочего, объект настоящего исследования.

Речь кино и театральная речь относятся к так называемой *сценической речи*, которая в «Большой советской энциклопедии» (1956, с. 377) определяется как «одно из основных средств театрального воплощения драматургического произведения». Сценическая речь отличается от живой повседневной речи, но создает иллюзию разговорности, спонтанности высказывания. Другими словами, сценической речи присуща некая двойственность: «...она не спонтанная, но должна казаться таковой; она фиксирована, но должна казаться такой же эфемерной, как и речь, которую она имитирует» (Духовная, 2014, с. 23). Иными словами, в сценической речи создается иллюзия спонтанности.

Тексты устной *непубличной речи* принадлежат разговорной речи (РР), реализуемой в неофициальных ситуациях при непосредственном участии говорящих. Е. А. Земская (1970, с. 3) определяет *разговорную речь* как «непринужденную речь носителей русского литературного языка». По мнению Н. В. Богдановой (2001, с. 16-17), РР (как форма устной речи) противопоставляется «кодифицированному русскому языку и профессиональной речи как некодифицированная речь – кодифицированной – и как исключительно устная – такой, которая существует и в устной, и в письменной формах». Видно, таким образом, что основными характеристиками РР являются спонтанность, непринужденность, неподготовленность и неофициальность.

Авторское и художественное чтение – это публичное исполнение произведений литературы авторами и актерами, задача которых – точно и ясно превратить слово написанное в слово звучащее. Оба этих вида чтения относятся к неспонтанной речи (подготовленной речи). Главное отличие подготовленной речи от спонтанной состоит в том, что «говорящий еще до акта речевой коммуникации знает не только что, но и как он должен говорить» (Бондарко, 1998, с. 258-259).

Результаты исследования

Анализ материала показал, что все употребления ЭС в рассматриваемых текстах оказались четырех типов: 176 хезитационных маркеров (78,2%), 43 разграничительных маркера (19,1%), 5 маркеров-ксенопоказателей (2,2%) и 1 маркер самокоррекции (0,5%). Рассмотрим все эти употребления более подробно.

Наиболее распространенной в устной речи оказалась конструкция *это самое* в функции хезитативного маркера, который, в рамках материала МУРКО, можно разделить на два типа: «чистый» хезитатив (12 словоупотреблений, 5,3%) и хезитативно-поисковый маркер (164, 72,9%), ср.:

(1) *Я ещё говорю / «что за хэ-хэ такая лазила здесь» // Это самое // Ну и / и главное / в одиннадцатом часу я / я опять в туалет хочу / на другой день* (О тиграх и о шаманах // Живая речь дальневосточников: база данных. Дальневосточный федеральный университет. 2016).

(2) *Ты что? Ну просто если бы нам... ну дня через три... это самое... понимаешь? То... тогда будут. А сегодня не будут!* (Все будет хорошо: к/ф. Реж.: Астрахан Д., сцен.: Данилов О., 1995).

В данных примерах ЭС служит заполнителем паузы хезитации без явного поиска. В примере (1) налицо заминка говорящего без явной мотивации поиска. В примере (2) женщина стесняется говорить о сексе напрямую, поэтому обрывает себя и употребляет бессознательно ЭС.

(3) *А ты что / это самое... Новая подруга моего Григория?* (Московские каникулы: к/ф. Реж.: Сурикова А., сцен.: Брагинский Э., 1995).

(4) *Конечно / надо снимать. Почему? Потому что я говорю / Константин Давыдыч / вот беспилотный вы сейчас будете посылать к этому самому / к станции? Да-да-да / значит / проверим. А вдруг / говорю / как хрюкает / и станции и нету? Немедленно снимать* (Миненко В. Е. Проектирование космических кораблей: видеолекция в лектории «Твой сектор космоса». 2014. Часть 10. URL: <https://youtu.be/YhWifZip9uw>).

(5) *Просто для этого нужен ну какой-то... этот самый... как он... день рождения... или там... как это... восьмое марта / вот / но я не собираюсь этим заниматься / нет* (Служебный роман: к/ф. Реж.: Рязанов Э., сцен.: Брагинский Э., 1977).

(6) *Я уж как психолог / извини / это самое / вмешиваюсь / потому что в три-пять лет / а потом всё константно. Это всё хорошо. А вообще / на стадии питекантропов / какие были / такие и остались. Да? Можно и так сказать* (Россия и мир, сценарии будущего // Правда на ОТР: телеканал. 09.01.2017).

(7) *Ой / я и забыл / это самое / на станции / там на вагоне было написано «шестьдесят тонн»* (Пацаны: к/ф. Реж.: Асанова Д.; сцен.: Клепиков Ю., 1983).

В отличие от примеров (1) – (2), в контекстах (3) – (7) конструкция *это самое* употребляется в роли поискового хезитатива. Во всех случаях поиск оказался удачным. Объектом поиска являются разные единицы (в примерах подчеркнуты): предикат (не действие) (3), именная группа (4), (5), глагол-сказуемое (6) и предикативная единица (7).

Когда исследуемая конструкция употребляется в функции поиска имени (наименования), то в результате можно наблюдать либо *гармонию* форм ЭС и найденного слова (по роду, числу и падежу) (5), либо *дисгармонию* (по роду) (4).

Кроме того, в примере (5) найденным именованным словосочетаниям предшествует целая цепочка гезитационных маркеров: *этот самый, как он, или там, как это*. Прагматический маркер *как он* в данном контексте можно рассматривать как вариант базового маркера *как его* (Прагматические маркеры..., 2021, с. 222-233), который пока не зафиксирован в соответствующем словаре ПМ. Ясно, что расширение корпусного материала позволяет уточнять и словник этого словаря, и перечень особенностей употребления каждой единицы.

(8) *А то что отдыхать / это даже в голове / как / не держал / а вот именно чтобы по... / по это самое* (Рассказ о переезде в Находку // Живая речь дальневосточников: база данных. Дальневосточный федеральный университет. 2016).

(9) *Лёше перебирался туда / значит / в эту самую / а Волюнов / уже один* (Миненко В. Е. Методология проектирования космических объектов // Курс повышения квалификации для сотрудников кафедры СМ1 МГТУ им. Баумана. 2015. Лекция № 1. URL: <https://youtu.be/QuST0FWcL1c>).

В отличие от предыдущих примеров, в контекстах (8) – (9) поиск оказался совсем неудачным. В примере (8) маркер ЭС фактически «сворачивает» разговор, играя еще и роль финального маркера (налицо его полифункциональность). В примере (9) искомое слово также не было найдено, и говорящий просто бросает начатую конструкцию и продолжает свою речь дальше.

В материале исследования зафиксированы все три типа разграничительных маркеров ЭС: стартовый (26 случаев, 11,6%), финальный (14, 6,2%) и навигационный (3, 1,3%), ср.:

(10) *Такая вся / «чѐ это / знаешь» / говорит / «там у вас богомолка есть... / Ну / я не пошла» / grit / «я при... / просто / проигнорировала / я русская / я это самое... / Только отъехали / меня как начало колотить / я чуть с лодки» говорит «не выпрыгнула»* (О тиграх и о шаманах // Живая речь дальневосточников: база данных. Дальневосточный федеральный университет. 2016).

(11) *И поэтому мне кажется / что на людей надо воздействовать... э... на... на их это самое / пробуждая в них / в их душе добрые чувства / на них надо воздействовать... э... тем / что им вот щас именно непосредственно нужно* (Ключ без права передачи: к/ф. Реж.: Полонский Г. ; сцен.: Асанова Д., 1976).

(12) *Ваня уехал на лечение туда / это самое / я пришла с дня рождения / пошла за водой* (О тиграх и о шаманах // Живая речь дальневосточников: база данных. Дальневосточный федеральный университет. 2016).

В примерах (10) – (11) маркер ЭС выступает как полифункциональная единица, реализуя в своем употреблении поиско-гезитативную функцию и функцию смены грамматической структуры (можно рассматривать как навигацию + самокоррекцию). В обоих случаях говорящий не может сразу найти подходящего слова и бросает предыдущий фрагмент, затем с помощью ЭС вербализует свои колебания и переходит к новому фрагменту, меняя грамматику (*я* → *только отъехали; на них* → *пробуждая в них*). В результате говорящий находит устраивающие его слова (в примерах подчеркнуты). В примере (12) после употребления ЭС говорящий не только меняет тему высказывания, но и продвигает его дальше.

(13) *Это самое // А потом Ваня пошёл говорит / когда уже действительно сказали что это тигр лазит / он пошёл утром / а снег подтаял немножко / и точно!* (О тиграх и о шаманах // Живая речь дальневосточников: база данных. Дальневосточный федеральный университет. 2016).

(14) *Вот и тогда / значит / это самое / думаю / надо приспособить и сажать цветы* (Светлый град Кашин: д/ф из цикла «Письма из провинции» // Культура: телеканал. 25.11.2011).

(15) *Раскольников делает / в общем / более-менее это самое* (Живов В. Русский грех и русское спасение: лекция // Полит.ру. 2009).

(16) *Там борьбу / например / то же самое / кого он не побеждал / вот / этих брали как раз / это самое...* (Эрзя в гостях у «Вечерней Москвы» // Культура: телеканал. Рубрика «Народы Москвы». 25.02.2016).

В контекстах (13) – (14) говорящий употребляет ЭС в качестве стартового маркера, который помогает ему начать реплику. В отличие от примера (13), в примере (14) рассматриваемый ПМ используется в сочетании с другими гезитативными элементами (*Вот и тогда и значит*), свидетельствующими о затруднении говорящего при подборе слов для начала высказывания. В примерах (15) – (16) конструкция ЭС завершает разговор, то есть играет роль финального маркера. Кроме того, в контексте (16) снова видна полифункциональность маркера ЭС, которому здесь можно приписать еще и функцию маркера гезитации.

(17) *Ну / следующий кто будет защищать своё... это самое... свои...* (Эрзя в гостях у «Вечерней Москвы» // Культура: телеканал. Рубрика «Народы Москвы». 25.02.2016).

Контекст (17) – еще один пример после контекста (11), где маркер ЭС используется в функции самокоррекции. Данное употребление ЭС тоже полифункционально: самокоррекции здесь явно сопутствует гезитация.

Функция *ксенопоказателя* в русском языке традиционно приписывается частицам, «остановившимся» на этапе грамматикализации. Но, в отличие от частиц, ПМ-ксенопоказатели (ПМК) часто сохраняют «грамматические атавизмы» – «способность изменяться по роду и числу (*такой/такая/такие*) или по лицу и числу (*грю, grit, grim* и под.)» (Богданова-Бегларян, 2019) (курсив автора. – С. С.). К прагматическим маркерам, а не к частицам относит ксенопоказатели и Б. Фрейзер (Fraser, 1996). Маркеры-ксенопоказатели – это «знаки чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира», основная их функция – «маркировка присутствия Другого» (Арутюнова, 2000, с. 437, 448). Важно отметить, что термин «чужая речь» при этом весьма условен и обозначает не только реальную чужую, но и свою собственную речь, сказанную ранее или планируемую на будущее, а также собственные или чужие мысли и даже речевое, «говорящее», поведение другого человека, его реакции и т.д. (Левонтина, 2010, с. 284).

Для маркера ЭС функция ПМК оказалась довольно редкой (обнаружено всего 5 употреблений) и встрети-лась только в подлинно спонтанной речи. Эти контексты заслуживают специального рассмотрения. Чужая речь (ЧР) во всех случаях в контекстах подчеркнута, кавычки расставлены, как в корпусе, что не всегда по-следовательно и не всегда точно соответствует границам ЧР.

(18) *Вот он приходит / и это самое / «доченька / а чё ты поедешь? Мы тебе дадим щас полторы ставки / сразу полторы / [смеются] выходи на работу» // И всё* (О работе акушеркой // Живая речь дальневосточников: база данных. Дальневосточный федеральный университет. 2016).

В примере (18) с помощью маркера ЭС говорящий вводит ЧР, показывая, что последующая фраза является цитатой. Видно, что маркер стоит в препозиции по отношению к передаваемой информации.

(19) *А потом это самое (а) / «какая она пьянчужка / нормальная женщина / это самое (б)»... / Мария прибе-жала / «быстренько это самое (в) / чё / это самое (г) / чё / нормально?» // «Иди на / говорю / чё это самое (д) / чё я здесь нахожусь / говорю / как debilку меня одели / какие-то тапки / это самое (е)» / как его...* (О тиграх и о ша-манах // Живая речь дальневосточников: база данных. Дальневосточный федеральный университет. 2016).

В контексте (19) можно видеть 6 употреблений конструкции ЭС. Первые четыре – (а) – (г) – маркируют вы-сказывания как чужие (то есть отстраняют говорящего от ЧР). ЭС (а) является одновременно стартовым мар-кером, второе ЭС (б) употребляется еще и как финальный маркер, образуя вместе с первым своеобразную ра-мочную конструкцию для передачи чужой речи: <ПМК – ЧР – ПМК>. ПМК (в) также предшествует ЧР, а мар-кер (г) «вклинивается» в ее середину. Вслед за ними пятое ЭС (д) не только заполняет паузу хезитации, но и помогает говорящему в поиске последующего выражения (*я здесь нахожусь*) (функция поиска + навигация по тексту). В этом же контексте говорящий дважды использует типичный ПМК *говорю* для передачи своей собственной речи. Последняя конструкция ЭС (е) в функции финального маркера и одновременно поисково-го хезитатива сворачивает речь самого говорящего.

Исследуемый маркер ЭС выступает в материале МУРКО в 12-ти различных грамматических формах (*этот самый, эта самая, это самое...*). На Рисунке 1 показано количественное соотношение всех форм.

Легко заметить, что исследуемый маркер чаще всего выступает в форме Им.-Вин. пп., ср. р., ед. ч. (*это самое*) (60%), которую можно назвать его «классическим» видом. Другие формы данной конструкции, моти-вированные грамматически, используются только в качестве хезитативно-поисковых маркеров, объектом поиска которых является имя существительное.

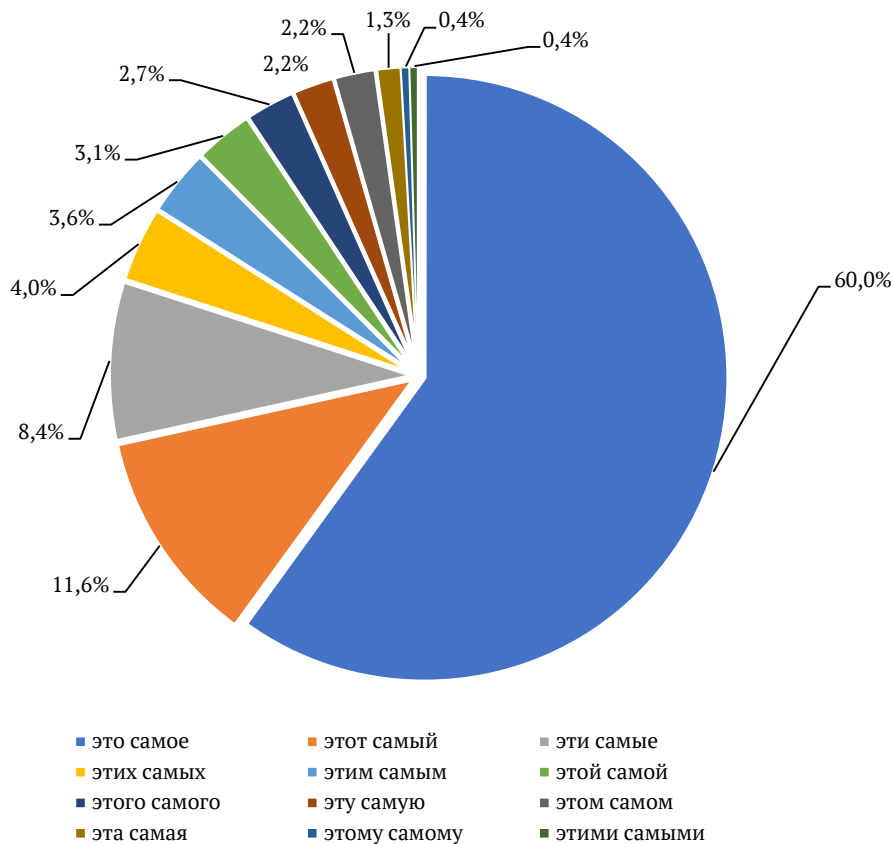

Рисунок 1. Количественное соотношение форм прагматического маркера ЭТО САМОЕ в корпусе МУРКО

Частота употребления ПМ ЭС на миллион слов каждого подкорпуса МУРКО – ipm (сокр. от *instances per million words*) – рассчитывается по следующей формуле: $ipm = \text{число вхождений ПМ ЭС} \times 2 \times 1\,000\,000 / \text{объем слов подкорпуса}$ (Таблица 2).

Таблица 2. Частота употребления прагматического маркера ЭТО САМОЕ в каждом подкорпусе МУРКО

Тип речи	Количество ПМ	IPM
Речь кино	94	56
Устная публичная речь	71	78
Устная непубличная речь	59	2462
Театральная речь	1	29
Художественное чтение	0	0
Авторское чтение	0	0

Результаты настоящего исследования показали, что прагматический маркер *это самое* в целом употребляется в устной непубличной речи в 32 раза чаще, чем в устной публичной; в 44 раза чаще, чем в речи кино; в 85 раз чаще, чем в театральной речи. Думается, что частоту употребления ПМ можно считать одним из показателей степени естественности и спонтанности устного дискурса. Кроме того, в речи кино ПМ ЭС употребляется не так часто, как в живой повседневной речи, что наглядно показывает дистанцию между стилизованной и настоящей спонтанной речью и неправомочность отождествления дискурса кино и естественной речи. Конечно, речь кино не выглядит искусственно, она звучит из уст актеров вполне правдоподобно, но на самом деле она создает лишь иллюзию спонтанности, потому что была «придумана» автором и записана в виде сценария.

Заключение

В устной речи важную роль играют ПМ, выполняющие различные функции при ее порождении и организации. ПМ никак не влияют на пропозициональное содержание высказывания, не имеют синтаксических связей с остальными единицами, но вербализуют сам процесс его построения. Полифункциональность является отличительной чертой ПМ, то есть маркеры часто не ограничиваются одной функцией в устной коммуникации. ПМ произносятся говорящими машинально, без предварительного обдумывания, на уровне речевого автоматизма, поэтому частоту их употребления можно рассматривать как важный признак для оценки естественности и спонтанности устной речи.

Бурное развитие корпусной лингвистики в последние десятилетия внесло существенные изменения в области лексикографии и преподавания иностранных языков. Проверка на корпусе самых, казалось бы, общепринятых лингвистических сведений иногда приводит к неожиданным и интересным результатам.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении специфики употребления ПМ женщинами и мужчинами, выступающими в ходе коммуникации в разных социальных ролях.

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Показатели чужой речи ДЕ, ДЕСКАТЬ, МОЛ // Язык о языке: сборник статей / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.
3. Богданова Н. В. Живые фонетические процессы русской речи: учебно-методическое пособие по современному русскому литературному языку. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2001.
4. Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27).
5. Богданова-Бегларян Н. В. Грамматические «атавизмы» прагматических маркеров русской устной речи // Структурная организация языка и процессы языкового функционирования / под ред. О. И. Глазуновой. М.: УРСС, 2019.
6. Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербургск. ун-та, 1998.
7. Большая Советская Энциклопедия: в 50-ти т. М.: Большая Советская энциклопедия, 1956. Т. 41. Стильтон - Татартуп. (БСЭ)
8. Горшкова В. Е. Теоретические основы процессоориентированного подхода к переводу кинодиалога: на материале современного французского кино: дисс. ... д. филол. н. Иркутск, 2006.
9. Гришина Е. А. Мультимедийный русский корпус: современное состояние и перспективы развития // Корпусная лингвистика - 2011: труды международной конференции (г. Санкт-Петербург, 27-29 июня 2011 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011.
10. Гришина Е. А. Мультимодальный модуль в составе национального корпуса русского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2015. № 6.
11. Духовная Т. В. Дискурс кинофильма: соотношение с понятием дискурса живой речи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3.
12. Зайдес К. Д. Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи: дисс. ... к. филол. н. СПб., 2020.

13. Зарецкая А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе: автореф. дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2010.
14. Земская Е. А. О понятии «разговорная речь» // Русская разговорная речь: сборник научных трудов / под ред. О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1970.
15. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: УРСС, 2003.
16. Левонтина И. Б. Пересказываемость в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог-10» (г. Бекасово, 26-30 мая 2010 г.). М.: РГГУ, 2010.
17. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и предисл. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.
18. Савчук С. О. Устная публичная речь в мультимедийном модуле НКРЯ // Корпусная лингвистика - 2017: труды международной конференции (г. Санкт-Петербург, 27-30 июня 2017 г). СПб.: СПбГУ, 2017.
19. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974.
20. Скорикова Т. П. Культура публичной речи: методические материалы по спецкурсу. М.: МИИТ, 2001.
21. Фонетика спонтанной речи / под ред. Н. Д. Светозаровой. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
22. Aijmer K. I Think - an English Modal Particle // Modality in Germanic Languages. Historical and Comparative Perspectives / ed. by T. Swan, O. Jansen Westvik. Berlin - N. Y.: Mouton de Gruyter, 1997.
23. Brinton L. J. The Development of I mean: Implications for the Study of Historical Pragmatics // Methods in Historical Pragmatics / ed. by S. M. Fitzmaurice, I. Taavitsainen. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010.
24. Degand L., Evers-Vermeul J. Grammaticalization or Pragmaticalization of Discourse Markers? More than a Terminological Issue // Journal of Historical Pragmatics. 2015. № 16 (1).
25. Diewald G. Pragmaticalization (Defined) as Grammaticalization of Discourse Functions // Linguistics. 2011. № 49 (2).
26. Fraser B. Pragmatic Markers // Pragmatics. 1996. Vol. 6. Iss. 2.
27. Graf E. Interjektionen im Russischen als Interaktive Einheiten. Frankfurt am Main, 2011.
28. Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components / ed. by W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer. Berlin: De Gruyter Mouton, 2004.

Информация об авторах | Author information

Сунь Сяоли¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Sun Xiaoli¹

¹ Saint Petersburg State University

¹ sunxiaoli_smile@163.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.08.2022; опубликовано (published): 30.09.2022.

Ключевые слова (keywords): прагматический маркер; прагматикализация; мультимедийный корпус; спонтанность речи; полифункциональность; pragmatic marker; pragmaticization; multimedia corpus; spontaneity of speech; polyfunctionality.